

КЕРРИ ГРИНВУД

чай, кофе
и убийства

КЕРРИ ГРИНВУД

**КРОВИ
И ЗРЕЛИЩ!**

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.111-312.4(94)
ББК 84(8Авс)-44
Г85

Серия «Чай, кофе и убийства»

Kerry Greenwood

BLOOD AND CICRUSES

Перевод с английского *М. Панфиловой*

Серийное оформление и компьютерный дизайн *В. Воронина*

Печатается с разрешения издательства Allen & Unwin
и литературного агентства Author Rights Agency, Ltd.

Гринвуд, Керри.

Г85 Крови и зрелищ! : [роман] / Керри Гринвуд ;
[пер. с англ. М. Панфиловой]. — Москва : Издатель-
ство АСТ, 2019. — 288 с. — (Чай, кофе и убийства).

ISBN 978-5-17-108780-7

Одно из интереснейших дел Фрайни Фишер начинается прекрасным летним днем 1928 года.

На пороге появляется призрак из прошлого.

Точнее — бывший любовник Фрайни. Его зовут Алан Ли, он циркач, и ему очень нужна помощь.

Что-то странное и страшное происходит в его преуспевающей труппе: сначала отравили зверей, потом чуть не спровоцировали несчастный случай во время представления.

А теперь один из членов труппы, мистер Кристофер, был найден заколотым в своей комнате в местном пансионе.

Что еще хуже, в убийстве подозревают ни в чем не повинную бывшую циркачку...

Что это — происки конкурентов? Кровавые деяния безумца? Холодный расчет преступника?

Чтобы разобраться, Фрайни предстоит не только провести опасное расследование, но и примерить на себя роль «принцессы цирка»...

УДК 821.111-312.4(94)
ББК 84(8Авс)-44

ISBN 978-5-17-108780-7

© Kerry Greenwood, 1994
© Перевод. М. Панфилова, 2018
© Издание на русском языке AST Publishers, 2019

Джону Гринвуду, моему дорогому брату

«Людей нужно развлекать, сквайр... Не могут они работать без передышки, не могут и наукам учиться без отдыха. Сделай же из нас самое лучшее, а не самое плохое...»

Чарльз Диккенс. *Тяжелые времена*

КЕРРИ
ГРИНБУД

Тайна Фрайни Фишер

Глава 1

Я услышал однажды, как кто-то играет
О том, как влюбленное сердце страдает
От песен любви, что как птица порхает,
Бальзам для ран, но как нож тяжела.

Алджернон Суинберн. *Триумф времени*

Миссис Уизерспун, вдова неопределенного возраста, с театральным прошлым, пила чай в изысканном обществе снимавших у нее апартаменты жильцов на Брансвик-стрит в Фицрое. Было это в четыре часа пополудни в теплую пятницу. Стоял октябрь 1928 года, и взявшей последний кусочек фруктового пирога миссис Уизерспун никак не могло прийти в голову, что самый страшный миг в ее жизни в двух шагах от нее.

Капля упала с потолка и шлепнулась прямо ей в чашку. Миссис Уизерспун фыркнула.

— О боже! Опять этот мистер Кристофер забыл выключить воду в ванной! Я ему сто раз об этом говорила.

Мистер Шеридан вскочил на ноги, но миссис Уизерспун выразительно на него посмотрела:

— Не вы, мистер Шеридан. Пожалуйста, не надо.

— Я сейчас сбегаяю, — предложила мисс Минтон. — Она задерживалась с оплатой квартиры в ожидании исхода следующего шоу, а потому ей чрезвычайно хотелось оказаться полезной.

— Да, дорогая, пойді. Но не открывай дверь. Слышишь? Мистер Кристофер столь беспечен. И не думает о том, что дверь могут открыть... Я не

Крови
и зрелищ!

потерплю ничего предосудительного в моем доме. — Голос у миссис Уизерспун был низкий, сдобный, как фруктовый пирог, и хорошо поставленный. Такой голос слышно с последнего ряда партера. Мисс Минтон, которая с семнадцати лет была танцовщицей в шоу, ухмыльнулась и вышла. Все услышали, как каблучки ее застучали по не застеленным ковром ступеням.

Вся компания состояла из миссис Уизерспун, фокусника по имени Роберт Шеридан, актрисы на характерные роли, чье сценическое имя было Паркс и чье прошлое, судя по мрачным намекам, не обсуждается, и вышеупомянутой мисс Минтон, которая только что отправилась выполнять свою миссию. Оставшиеся за столом сосредоточили все внимание на продвижении мисс Минтон по коридору к ванной, а потому внимательно прислушивались.

— Слышите, мистер Кристофер, — позвала девушка. — Эй! — прибавила она. Было слышно, как дверь ванной открылась с характерным поскрипыванием. Миссис Уизерспун посетовала на поведение современных девушек и закончила свою чашку чая, небрежно смахнув еще одну каплю, упавшую прямо ей на волосы. Миссис Паркс спрятала улыбку.

Мистер Кристофер был строен, двигался как танцор. У него были упрямые темные волосы и правильные, словно выточенные из камня черты лица. Миссис Паркс еще раньше замечала, что мисс Минтон преследует его неделями: она наверняка не упустила бы возможности загнать его в угол где-нибудь в ванной. А случись это — ее ждал бы сюрприз. Что и говорить, работа в кордебалете губительна для скромности, подумала миссис Паркс.

Звук хлынувшей воды, который они ожидали услышать, так и не появился. Вместо этого к ним

вбежала вернувшаяся мисс Минтон с восклицанием: «Его там нет, миссис Уизерспун! И не было. В ванной — ни капли воды!» — И вот тогда они посмотрели наконец на потолок. Большое красное пятно, похожее на червоного туза, расплзлось по потолку. Капало именно с него. Мысль о том, что это может быть красное вино, никому не пришла в голову. Миссис Уизерспун приложила дрожащую руку к щеке, на которую капнула еще одна капля.

На ладони было кровавое пятно.

Когда она поняла, с чем допила она свою чашку чая, ее охватила паника.

Даже прибытие полиции не заставило миссис Уизерспун покинуть свое укрытие. По причине этого очень растерявшийся и сконфуженный констебль Томми Харрис вел переговоры с ней через закрытую дверь.

— Чья комната располагается непосредственно над вами? — спрашивал он в отчаянии. Ответом был лишь судорожный приступ рвоты. Миссис Паркс кивком головы дала понять, что лучше отойти от двери.

— Я могу вам все рассказать. Бедняжка поняла, что пила чай с кровью. Это может вызвать расстройство. Вы согласны? Наверху ванная комната, а к ней прилегает комната мистера Кристофера. Он выступает в цирке и обычно встает только к чаю. Из-за вечерних выступлений. Я поднималась наверх и пыталась открыть дверь, но она заперта.

— А вы кто, миссис?

— Меня зовут Амелия Паркс. Я актриса, живу здесь.

Сувившиеся глаза констебля пристально рассмотрели миссис Паркс. Женщина средних лет, шатенка

с короткой стрижкой, кареглазая, она сохранила прекрасный цвет лица, свойственный тем, кто пользуется театральным гримом и редко бывает на солнце. Новенький в этом районе, констебль был почему-то уверен, что видел это лицо раньше. А вот припомнить — где, никак не мог. Миссис Паркс не помогла ему вспомнить, она лишь слегка улыбнулась. Премилая у нее улыбка, подумал констебль.

— Хорошо, мисс, с этим мы разберемся. А где ключи?

— Подождите, пожалуйста, здесь, — вежливо попросила миссис Паркс. — Попробую достать.

Констебль вышел на заднее крыльцо, оставив миссис Паркс одну. Она осторожно постучала в дверь несчастной хозяйки дома. Через несколько минут дверь со скрипом открылась, и связка ключей вылетела наружу. Миссис Паркс взяла их, пробормотав при этом что-то неразборчивое (констебль не уловил, что именно), и понесла ключи на заднее крыльцо.

— Ну вот, пожалуйста. Думаю, сейчас лучше оставить ее одну. Она себя почувствует лучше, когда все это выйдет у нее из желудка. Бедная старушенция...

Остальные обитатели дома сбились в испуганную группу в холле. В столовую, где черед кровавых пятен осквернила льняную белую скатерть, возвращаться не хотел никто. Констебль Харрис прошел мимо собравшихся, поднялся по лестнице, отпер соответствующую дверь и сделал попытку ее отворить. Дверь не поддавалась.

— Что там? — поинтересовалась снизу миссис Паркс.

— Изнутри закрыта на задвижку! — крикнул в ответ констебль. — Туда можно пролезть через окно?

— Только если у вас есть длинная лестница. С той стороны нет балкона.

— Открывайте! — констебль постарался крикнуть так грозно, чтобы можно было разбудить медведя в берлоге. — Открывайте сию минуту! Полиция!!!

Ответом была мертвая тишина. Мисс Минтон всхлипнула, и фокусник обнял ее за плечи. Она благодарно прижалась к нему, но тут же, вскрикнув, отскочила, почувствовав, как что-то задвигалось в его нагрудном кармане.

— Извините, — сказал он, извлекая голубя отработанным, эффектным жестом. Миссис Паркс закусила губу: момент для смеха был явно неподходящий. Шеридановский голубь вспорхнул и уселся на притолоку — поступок, который миссис Уизерспун ни за что бы не допустила, будь она здесь в данный момент. — Вот и все, — сказал фокусник, протягивая руки. Мисс Минтон вернулась на освобожденное голубем место — в объятия фокусника, и мистер Шеридан прижал ее крепче, мысленно поздравив себя с тем, что опять в его объятиях женщина. Какая женщина — для мистера Шеридана это не имело никакого значения.

— Ну-ну, малышка, — успокаивал он ее. — Мы все расстроены.

Констебль Харрис появился на верхней ступени лестницы и позвал миссис Паркс.

— Не могли бы вы показать мне, как выбраться на крышу?

Миссис Паркс без колебаний оставила мисс Минтон на коварного фокусника и отправилась наверх, к свету.

— Будьте осторожны, — заволновалась она, когда молодой человек вылез на шиферную кры-

шу. — Знаете, там небезопасно. Миссис уже давно хотела ее отремонтировать.

Внешность констебля Харриса была из таких, что всегда казались миссис Паркс наиболее привлекательными: солнцем обласканный, голубоглазый, выросший на деревенском молоке. Он улыбнулся, показав белые зубы.

— Все будет в порядке, мисс. Я в хорошей форме. Много занимаюсь спортом. Идите лучше вниз, присмотрите за пожилой леди. Нужно, чтоб она была в форме и ответила на мои вопросы, если там дело нечисто.

— А вы полагаете, что это так?

У миссис Паркс был открытый взгляд, и она тоже нравилась констеблю. И все же он никак не мог отделаться от мысли, что она кого-то ему напоминает, что он где-то ее раньше видел. Давным-давно... Может, в газетах?

— Думаю, он сам себя запер, мисс. Дверь не просто заперта, а закрыта на задвижку изнутри. Не думаю, что кто-то пытался пролезть с крыши — вы бы услышали.

— Я тоже так считаю, констебль. Может, мне лучше остаться здесь, на случай, если вам понадобится помощь?

— Хорошо, мисс.

Он снова улыбнулся и осторожно пошел по скату крыши к водосточному желобу и дальше, к комнате мистера Кристофера. Улегшись на теплой поверхности крыши над комнатой, он перегнулся как можно дальше. Окно не было зашторено, и солнце ярко освещало комнату. В ней еще и свет был включен.

Увиденное так изумило констебля, что он ослабил хватку и, издав громкий крик, начал соскаль-

зывать вниз. Он отчаянно завертелся. Однако в считанные секунды какая-то твердая хватка остановила его падение, схватив за мундир, и удержала в воздухе в подвешенном состоянии.

Миссис Паркс запрыгнула на крышу и побежала по ней с легкостью птички. Пока констебль свисал с края, хватая ртом воздух, она всем своим весом попыталась удержать его. Баланс был найден, но сил вытащить его назад было недостаточно.

— Пикантное положение, — заметила она голосом, которым говорила бы с ребенком, извалявшимся в грязи. — Как вас зовут?

— Томми. — Томми старался не смотреть вниз на плиты во дворе, куда именно сейчас из клозета выходила миссис Уизерспун. Плиты были прочные, очень твердые. Он постарался не думать, во что он превратится, когда упадет на них с такой высоты. Головой вперед... Удерживающая его рука не ослабевала, а голос был мягок, как шелк. — Томми, ты должен сам себя спасти. Я не такая сильная, чтобы вытащить тебя. Моей силы не хватит. А если ты будешь дергаться, мы свалимся вместе. Ты понимаешь?

— Да.

— А теперь ты вытянешь назад правую руку. Медленно. Да, вот так. Не делай резких движений. Не смотри вниз. Смотри прямо вперед. Так. Еще шесть дюймов, и ты это сделаешь! Это желоб. Ты за него ухватился?

Томми Харрис ухватился за желоб с такой силой, что мог деформировать сталь. Край врезался ему в ладонь, но он еще сильнее сжал руку.

— Есть. Держусь.

— Хорошо. А теперь вытяни назад другую руку. Медленно. Я стараюсь удержать весь твой

вес, ты понимаешь? Теперь ты дотрагиваешься до желоба. Ухватился за него? — Его левая рука нащупала металл и ухватилась за желоб обезьяньей хваткой. — Хорошо, а теперь я тебя отпущу и вернусь через световой люк.

Томми издал невоспроизводимый звук, который мог означать только одно: «Нет!», и срывающимся голосом попросил:

— Не отпускай меня!

— Я тебя сейчас отпущу, и ты спокойно повисишь. Держи руки прямо, и ты не упадешь. Я схвачу тебя за ноги и втащу внутрь. — Ее голос был спокойный и властный. Отчасти это спокойствие передалось и ему. Он сделал глубокий вздох.

— Хорошо. Томми, мой мальчик, ты смелый. Сейчас я досчитаю до трех, и все, что ты должен будешь сделать, это просто вцепиться, как черт, и я смогу спокойно втащить тебя внутрь. Идет? — Томми кивнул. Во рту у него было сухо, как в пустыне Сахара.

— Раз, два, три. — Она разжала руки, очень осторожно, и он услышал, как она соскочила внутрь. Он вцепился в желоб, и, как ему показалось, прошла целая вечность, прежде чем две сильных руки, как клещи, обхватили его лодыжки и медленно и неумолимо потащили его на крышу. — Теперь отпускай, Томми. Я втащила уже добрую половину и не хочу, чтобы все остальное улетело вниз. — Он выслушал то, что она сказала, и изо всех сил постарался поверить в нее до такой степени, чтобы это помогло ему решить расцепить руки. Еще сильнее напряглись его колени и ягодицы.

— Отпускай же, Томми, — убеждала она. Томми попытался разжать руки, но не смог. Он слышал как сзади, за ним, вздохнула миссис Паркс. —

Отпускай сейчас же! — прокричала она и дернула со всей силы. Перед тем как констебль Харрис понял, что произошло, он уже был внутри, в крепких руках миссис Паркс. — Ну вот! — сказала она, помогая ему встать на ноги и отряхивая пыль с его полицейского костюма. — Очень смело. И высоты вы не боитесь. Ведь правда?

— И вы не боитесь... — Помятый, с открытым ртом, он не отрываясь смотрел на нее. — Да вы же... Я знаю, где видел вас раньше!

Миссис Паркс отстранилась, как будто он мог зарезаться от одного ее прикосновения. Лицо ее стало отрешенным, как будто от причиненной боли.

— Вы, должно быть, видели меня во время судебного разбирательства, — грустно сказала она. — Я тогда еще подумала, что вы слишком молоды.

— Когда они вас выпустили, миссис Паркс? — спросил он, внезапно почувствовав неловкость и нерешительность. — Я хотел сказать, что да, я помню те бумаги... У них был особый день, когда произошло убийство вашего...

— Моего мужа, — сказала она безучастным, ледяным голосом. Карие глаза, которые только что смотрели на него почти с любовью и уж точно с участливым сочувствием, теперь были холодными и жесткими, как камень. — Меня освободили в прошлом году, и у меня было несколько небольших ролей. Сейчас я работаю над ролью служанки Джульетты...

— Но вы же были воздушной гимнасткой! Летаящая Фанточини, так вас называли.

Поняв наконец, какую незаслуженную и сильную боль доставил он своей спасительнице, констебль Харрис чрезвычайно смутился. Он взял ее руку в свою. Мозолистая рука, он это почувст-